

SVETLANA PAVLENKO

Uniwersytet Gdański

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7443-2856>

УХОДЯЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СИБИРЯКОВ В ПРОЗЕ МИХАИЛА ТАРКОВСКОГО

THE RECEDING GENERATION OF SIBERIANS
IN THE PROSE OF MIKHAIL TARKOVSKY

This article analyses the image of the older generation of Siberians in the prose of the modern Russian author Mikhail Tarkovsky, drawing from stories, novellas, essays, and the detailed portrait of the Yenisey people found within the novel *Toyota Cresta*. The study aims to concretize the very concept of “Siberian” in Tarkovsky’s work, identifying specific generational “types” among the protagonists and enumerating the characteristics of male and female characters based on the analysis of their appearance, behaviour, manners of speech, approach to language, and attitudes towards work and nature. In addition, the article touches upon such problems as the continuity of generations and generational conflicts.

Keywords: contemporary Russian prose, “Siberian text” of Russian literature, Mikhail Tarkovsky, Siberian/Siberian woman, generational identity

ODCHODZĄCE W PRZESZŁOŚĆ POKOLENIE SYBIRAKÓW
W PROZIE MICHAŁA TARKOWSKIEGO

W artykule autorka analizuje obraz starszego pokolenia Sybiraków w prozie współczesnego rosyjskiego pisarza Michała Tarkowskiego. Przedmiotem analizy są opowiadania, opowieści, szkice, a także powieść autora *Toyota Cresta*, co pozwala przedstawić bardziej szczegółowy portret mieszkańców ziem nad Jenisejem. W ramach badania autorka konkretyzuje samo pojęcie sybirak w twórczości

Tarkowskiego, wyłaniające się typy pokoleniowych bohaterów, przedstawionych w jego utworach, charakterystyki męskich i żeńskich postaci na podstawie analizy ich wyglądu, zachowania, językowych przyzwyczajzeń, podejścia do języka, stosunku do pracy i przyrody. Dodatkowo w artykule zaznaczone zostają również takie problemy jak dziedzictwo i konflikty pokoleniowe.

Słowa kluczowe: rosyjska proza współczesna, syberyjski tekst literatury rosyjskiej, Michaił Tarkowski, Sybirak/Sybiraczka, tożsamość pokoleniowa

Михаил Тарковский (род. 1958) — современный художник в третьем поколении: его дед Арсений Тарковский оставил свой след в литературе как поэт, дядя Андрей Тарковский стал знаковой фигурой мирового кинематографа. Несомненно, принадлежность к семье потомственных интеллигентов оказалась важным фактором при формировании сферы увлечений Михаила Александровича, а также при выборе будущей профессии, однако следует вспомнить и еще об одном обстоятельстве. Автор *Полета совы* родился в Москве, но настоящей его родиной стала Сибирь, куда молодой Тарковский переехал в 1981 году и где сделал первые шаги на литературном поприще. Новая «территориальная привязанность» привела к тому, что образ Сибири и ее жителей стал центральным в художественном универсуме писателя, хотя границы литературной географии автора со временем расширяются. Цель данной статьи — проанализировать образ старшего поколения сибиряков на материале избранных произведений Тарковского.

Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной темы, следует уточнить содержание двух ключевых понятий настоящего исследования — поколение и сибиряк, поскольку их границы расплывчаты. Концепт поколение традиционно рассматривается как

складывающаяся в силу объективных социально-демографических и культурно-исторических условий общность современников, имеющих типичные социально-психологические, идейно-нравственные и этнокультурные характеристики, сходные духовные ценности, социальный опыт и образ жизни¹.

¹ М.А. Исаева, *Поколение* // «Знание. Понимание. Умение» 2011, № 1, с. 265.

Смысловая наполненность текстов писателя, а также представленная в них система персонажей дают все основания придерживаться данной дефиниции. Однако здесь стоит пояснить, что ведущими подходами к понятию поколение для нас будут социокультурологический и генеалогический².

Полисемантичесность характерна и для термина сибиряк, выступающего как в качестве топонима, так и в качестве этнонима. Кроме того, под данным понятием подразумевается определенный психотип, обладающий устойчивым набором черт и характеристик (сила, здоровье, трудолюбие, мобильность, гостеприимство, выносливость, смекалка и др.); антропологическая модель (сибиряк как гибридный конструкт, появившийся в результате «слияния» русских с коренным населением Сибири и представителями других народов, оказавшихся за Уралом) и историко-хронологический тип³. В прозе сибирских писателей (Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Александр Астраханцев, Алексей Бондаренко⁴ и пр.) вопрос региональной идентичности занимает

² Тема семьи является одной из ключевых в прозе Тарковского, поэтому генеалогический подход, в основу которого положен критерий родства, видится целесообразным. Согласно данному подходу, выделяют поколение детей, родителей и прародителей. См. Л.Ю. Пушина, *Поколение как социокультурная общность* // «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки» 2011, № 3, с. 28. Ключом к творчеству писателя может быть и поколенческий подход, позволяющий описать спектр разнородных литературных и исторических явлений, однако в данной статье поколение является предметом исследования, а не средством анализа художественного произведения. О применении поколенческого подхода в литературоведении см. Т.А. Рытова, *«Поколение» как категория современного литературного процесса* // «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2009, № 4, с. 87–98.

³ М. Жигунова, *Сибиряк как новая национальность: миф или реальность?*, <https://www.gumilev-center.ru/sibiryak-kak-novaya-natsionalnost-mif-ili-realnost/> (1.08.2020).

⁴ Более подробно об этом см. К.В. Анисимов и др., *Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы*, Сибирский федеральный университет, Красноярск–Лесосибирск 2017, с. 177–189.

важное место и рассматривается в разных плоскостях. Литературный портрет сибиряка, вышедший из-под их пера, включает в себя описание не только особенностей физического облика, внутреннего мира и габитуса (в том значении, которое вкладывал в него Пьер Бурдьё), но и особой связи человека с пространством, поскольку именно от характера этой связи зависит принадлежность индивида к сибирской общности. Довольно емко и метко высказался на эту тему Распутин в книге очерков *Сибирь, Сибирь...* (1991):

Есть люди, ведущие свой род здесь не одним поколением, но так и не ставшие сибиряками, чем дальше, тем сильнее страдающие на чужой для них земле, и есть — кто словно создан для Сибири и, попав сюда, осваивается без особых трудностей. Так что сибиряк — это не только толстая кожа, привыкшая к морозам и неудобствам, и не только упрямство и упорство в достижении цели, выработанные местными условиями, но также и неслучайность, глубокая и прочная укорененность на этой земле, совместимость человеческой души с природным духом⁵.

Той же позиции придерживается Тарковский, показывая в своих произведениях, как одни приезжие герои обретают себя в Сибири, другие, напротив, ею отвергаются и обрекаются на скитальчество, дальнейшие поиски собственного места в русском континууме. Самого писателя тайга приняла, став для него одновременно и домом, и маркером идентичности. «Тогда я и стал сибиряком [огда открыл таежный мир — С.П.], ощутив расположение своей души на карте. И какими жилами она со всей Россией связана»⁶, — вспоминает Тарковский.

В прозе автора запечатлены портреты нескольких поколений сибиряков, которые с большой долей условности в силу их сопряженности и негерметичности можно типологизировать на основе степени родства героев (прародители, родители, дети), социально-исторического критерия (военное и послевоен-

⁵ В.Г. Распутин, *Сибирь, Сибирь...*, Сапронов, Иркутск 2006, <https://unotices.com/book.php?id=166432&page=6> (1.08.2020).

⁶ Цит. по: С. Сметанина, *Михаил Тарковский: Что значит быть русским?*, <https://russkiymir.ru/publications/236843/> (1.08.2020).

ное поколения, поколение «оттепели», поколение «застоя», «перестроечное» поколение⁷ и молодое поколение) и рода деятельности (поколение охотников и рыболовов, поколение перегонщиков автомобилей), тесно связанного с особенностями исторического развития региона. Здесь также следует отметить: подавляющая часть персонажей Тарковского — это сельские жители, что является характерной чертой творчества писателей-«деревенщиков», однако в художественном мире автора *Тойоты-Кресты* антитеза «деревня–город» замещается трехчленной моделью мироустройства, в которую входит сакральный топос тайги⁸.

К уходящему поколению сибиряков относятся прежде всего енисейские старики (прародительское поколение), чьи черты увековечены в богатой галерее мужских и женских образов, где мужчина является защитником в широком смысле этого слова, а женщина — хранительницей домашнего очага, народных устоев, родовой памяти и языка. «Именно с фигурами милосердных старух как воплощением материнского начала автор связывает надежду на сохранение традиций, былого уклада жизни»⁹, — подчеркивает Никита Вальянов. В описании внешнего облика большинства героинь особенно акцентируется их хрупкость, появляются орнитологические образы: «Все большое и опасное у этой маленькой безбровый старушки с птичьим лицом называлось ‘оказией’» (*Ледоход*); «Бабушка жила в Васькиных мыслях постоянно. Маленькая, легкая как совок, мягкая от надетых на нее платков и фуфаяк, пахну-

⁷ Первые четыре группы выделил и охарактеризовал социолог Юрий Левада. См. Ю. Левада, *Поколения XX века: возможности исследования* // «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» 2001, № 5, с. 7–8, <http://ecsocman.hse.ru/data/507/991/1219/02levada-7-14.pdf> (1.08.2020).

⁸ Н.В. Ковтун, *Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма»* // «Гуманитарный вектор» 2019, т. 14, № 5, с. 43.

⁹ Н.А. Вальянов, *Поэтика М.А. Тарковского: проблема хронотопа и образ героя*, КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск 2019, с. 153.

щая прелым тряпьем, рыбьим жиром и картошкой»¹⁰ (*Васька*). В славянской культуре птица имеет положительные коннотации, являясь символом «божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца»¹¹ и т. д. За «небогатырской» наружностью пожилых сибирячек кроется огромная внутренняя сила, позволяющая мужественно принимать удары судьбы и не сломаться под гнетом несчастий, а также не переставать трудиться, не прося при этом помощи у других, даже у самых близких людей. Так, 75-летняя тетьа Надя¹² (*Ледоход*), потерявшая двух мужей и дочь, продолжает рыбачить и ходить в тайгу, культивируя историческую память места, в котором ей пришлось жить, и оставаясь верной дочерью «Батюшки-Анисея». До самой смерти занимается домашним хозяйством Васькина бабушка (*Васька*). Именно с охапкой дров в руках предстает она после похорон в его видении. Бабушка самозабвенно заботится об осиротевшем внуке Василии, пытаясь оградить его от алкоголя и стараясь помочь словом и делом, что сближает эту героиню с Граней (*Ложка супа*) и Глафирой Прокопьевной (*Бабушкин спирт*), живущих своей любовью к беспутным родным.

Здесь вновь актуализируется проблема алкоголизма, бессемейности и жизненной неустроенности поколения родителей,

¹⁰ М. Тарковский, *Енисей, отпусти!*, Вече, Москва 2018, с. 16, 29.

¹¹ См. Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, *Птицы* // С. Токарев (ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 2, Советская энциклопедия, Москва 1980, <http://www.philologoz.ru/myth/birds.htm> (1.08.2020).

¹² Прототипом персонажа является Шура Денисенко (Хохлова). Тарковский посвятил ей очерк *Новый дом тети Шуры*, в котором характеризует старушку следующим образом: «Бодрая и неунывающая, она словно показывала всему белому свету, как можно выстоять. Енисей она чувствовала хребтом. Каждому явлению, времени года, птице, предмету умела она придать смысл, озаряла своим пониманием, любовью. Речь ее была живейшим творчеством, говорила она настолько своеобразно, что ее цитировали и, конечно, передразнивали многие бахтинские балагуры. Была и по-своему — склочная, себя в обиду не давала, и кого не любила, на крик, и на 'матки' взять могла с пол-оборота». См. М. Тарковский, *Новый дом тети Шуры*, <https://litresp.com/chitat/ru/T/tarkovskij-mihail/enisejskie-ocherki/6> (1.08.2020).

иначе говоря, поколения «застоя» (Славка, *Ложка супа*; Дядька и Галька, *Бабушкин спирт*). Анализируя образ Глафиры Прокопьевны, Наталья Ковтун указывает на амбивалентность данного персонажа, в котором просвечивают черты страсто-терпицы и грешницы¹³, поскольку, чтобы помочь внуку Кольке и обеспечить его вещами первой необходимости, героиня решает продавать спирт, несмотря на то, что это идет вразрез с ее нравственными принципами. Переживания за близких становятся причиной смерти бабушки. Приближающуюся кончину, как и большинство представителей данного поколения, она воспринимает без страха и упрека¹⁴. Тарковский изображает уход героини, вводя в текст солярную символику и интенсифицируя семантику верха. Когда Глафиру несут на носилках, она «видела только небо, ее словно вложило в него, и даже солнце освещало ее по-другому»¹⁵, позднее вертолет, в котором находилось Бабушкино тело, три раза не мог приземлиться.

Бабушки (Мария Ивановна Вишнякова и Мария Макаровна Попова) сыграли важную роль в жизни Тарковского, о чем подробно повествуется в очерке *Бабушкин внук*. Хотя обе Марии и не были сибирячками, их образы связаны с Зауральем. Мария Ивановна развила во внуке чувство русского странства и пробудила интерес к Сибири, рассказывая о да-

¹³ Н.В. Ковтун, *Малая проза М. Тарковского...*, с. 46. См. также: Н.А. Вальянов, *Поэтика М.А. Тарковского...*, с. 154–156.

¹⁴ Творчество Тарковского связано не только с наследием писателей-«деревенщиков», но и с русской литературой XIX века, о чем свидетельствует, в частности, танатологический анализ персонажного уровня произведений автора. Рассматривая повесть *Стройка бани*, Вальянов отмечает: «[...] мудрое принятие смерти роднит героя М. Тарковского не только с персонажами 'деревенской' прозы, но и с героями Л. Толстого (*Смерть Ивана Ильича*), А. Чехова (*Архиерей*)». См. там же, с. 151. О следах русской классики в творчестве писателя см. также: Н.В. Беляева, *Русская литературная традиция в прозе современного писателя Михаила Тарковского* // «Русская словесность» 2008, № 5, с. 41–44.

¹⁵ М. Тарковский, *Избранное*, Историческое наследие Сибири, Новосибирск 2014, с. 267.

леком Енисее. Мария Макаровна поспособствовала, чтобы Михаил отправился в экспедицию в Туву, после которой мечта о Сибири всецело овладела молодым человеком.

Несмотря на центральное место, занимаемое представительницами старшего поколения в некоторых произведениях Тарковского, главным предметом писательского интереса был и остается мужской мир, фиксируемый во всей его сложности и противоречивости. Конструируя образ енисейских стариков, автор уделяет особое внимание их наружности, языку, отношению к труду и природе, а также степени осознанности своего жизненного предназначения. В облике дедов часто подчеркивается живость, верткость и кряжистость, например: «Митрофан — крепкий и статный старик с плаксивым голосом...» (*Ле-доход*); «крепкий, как кряж, большегубый, курносый, с твердым нависающим чубом, с мясистым, как бы надвое рассеченным лицом [...], и рядом почти отдельно, сама по себе лежала такая же крепкая и мясистая его рука»¹⁶ (Иваныч, *Стройка бани*) и т. д. Вместе с тем при описании героев автор активно обращается к поэтике детали, выражающейся в акцентуации черт лица, тембра голоса, запахов, элементов одежды, что делает каждого персонажа уникальным. Подобная техника создания портрета используется писателем не только в повестях и рассказах, но и в очерках. Так представлен литературный наставник Тарковского — Астафьев (*Пешком по лестнице*):

На вид он оказался старше, чем я представлял [...]. И как-то крепче, шире, ниже. Лицо было сильно испещрено морщинами, но больше всего запомнился большой слезящийся глаз, в котором стояла влага, и он от этого казался неподвижным. Весь его облик был сбитым, характерным, узнаваемым. И в лице еще сквозило что-то народное [...]. Народной была и его речь [...]. Одет был Виктор Петрович в брюки и какую-то, кажется, зеленую кофту, отчего имел особенно домашний вид¹⁷.

В прозе Тарковского принципиально значима речевая характеристика персонажей, отсюда передача особенностей

¹⁶Его же, *Енисей, отсутств!*..., с. 16–17, 39.

¹⁷Там же, с. 306.

сибирской речи на всех языковых уровнях. Продолжая астафьевскую традицию (*Царь-рыба*), писатель изображает в своих произведениях «главных носителей енисейского говора» — сельдюков¹⁸: тетя Надя и Митрофан Акимыч (*Ледоход*), дядя Толя (*Вековечно*), Николай Афанасьев (*Стройка бани*), прадед Жени Барковца (*Тойота-Креста*) и др. Старшее поколение сибиряков объединяет особый творческий подход к языку, который, будучи природным созданием, становится ключом к раскрытию характера человека и территории:

Самое поразительное в таких дедах, что их единственный истинно русский язык не просто живет в них, а что они страдают и переживают, мечтают и радуются — мыслят только им, и личный строй его, как великое чудо, умирает вместе с человеком¹⁹.

Таким образом, енисейские старики — хранители уходящей русской старины, национального духа, запечатленного в сибирском слове, которого не коснулись веяния западной цивилизации. Тема экологии языка и культуры, в том числе коренных народов Сибири, занимает важное место в творчестве Тарковского — ей, по сути, полностью посвящена повесть *Полет совы*. Поднимаемая в произведении проблема вытеснения русского языка английским, засилья иностранных заимствований, становящихся языковой нормой для младшего поколения сибиряков, приобретает масштабы национального бедствия, грозящего потерей идентичности. В отличие от молодежи прародительское поколение транспонирует новшества в область привычного, используя неиссякаемый потенциал родного языка и врожденную способность к словотворчеству:

Соседка Серафима Ильинична Никифорова однажды сказала, что в магазин привезли «спагеття». Насколько сильны у этих людей правила жизни языка! Они и новые слова гнут по-старинному. [...] Так енисейские

¹⁸ Сельдюки – небольшая группа коренных жителей нижнего Енисея с характерным произношением шипящих звуков («ш» и «ж» они замещают звуками «с» и «з») и некоторыми другими фонетическими особенностями. Там же, с. 418.

¹⁹ Там же, с. 100.

старики учат нас помнить старинные языковые скрепы, что, будто черемуховой шаргой, сшивают понятия, людей, эпохи²⁰.

Труд и природа составляют единое целое в творчестве писателя, поскольку только усердная работа является пропуском в природный мир. Енисейские старики погружены в непрерывный трудовой процесс, при этом кинематические особенности их движений выполняют характерообразующую функцию, внося новые штрихи в портрет сибиряков. В картине мира старшего поколения понятие труженичества также тесно сопряжено с понятием свободы, манифестирует нравственную позицию²¹. В очерке *Таежный музей* Тарковский пишет:

[...] единственное главное в жизни — это простой созидательный труд, который только и дает человеку ощущение истинного могущества, а отнюдь не деньги, в чем нас с устрашающей настойчивостью пытаются убедить²².

Отождествление свободы с финансовым достатком служит одной из причин межпоколенческого конфликта, показанного, к примеру, в повести *Стройка бани*. Бывший охотник-промысловик Иваныч, вынужденный оставить свое любимое занятие из-за болезни, начинает строительство бани, продолжая обустраивать свой микрокосм, хотя понимает, что его сыну Сереге это все не нужно. Серега мечтает освободиться от тяжелого потомственного дела, требующего степенности, систематичности и постоянной включенности в мир природы, чтобы жить в городе и зарабатывать деньги более легким путем. До самой смерти Иваныч не перестает трудиться, потому что ясно осознает свое предназначение — следовать опыту

²⁰ Там же, с. 420.

²¹ Взгляд на труд сквозь призму этики роднит творчество Михаила Тарковского и Льва Толстого, который заявлял: «земледельческий труд должен быть нравственной обязанностью каждого человека». Цит. по: И.А. Юртаева, *Тема труда в творчестве Л.Н. Толстого* // Л.Ю. Фуксон (ред.), *Феномен труда в художественном истолковании*, НГТИ-КемГУ, Новосибирск-Кемерово 2013, <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5ad772b07966e14e3b478ad9.pdf> (24.09.2020).

²² М. Тарковский, *Избранное...*, с. 402.

предшественников, стараться «держать масть мужика с большой буквы, то это опыт-то не только плотницкий, печницкий, охотницкий, а самое главное — человеческий»²³.

Игорь Каргашин отмечает, что герой Тарковского — «прежде всего носитель и хранитель какого-то умения»²⁴, способного принимать разные формы, в том числе художественные²⁵, но на первый план выходит владение таежными ремеслами (изготовление лодок, лыж, туесов, поплавков и т. д.), знания о которых передаются от старших к младшим. Таким образом, мастеровая культура играет роль одной из межпоколенческих скреп. В очерках писателя неоднократно появляется фигура дедушки Ильи, фронтовика, рыбака и берестяных дел мастера (*Дядя Илья, Ветераны Бахты, Рубашка и Сколотень*), научившего автора снимать сколотень, тем самым «приобщая к трудовой истории»²⁶. Тема создания вещей своими руками, связанная с мифологической схемой «хаос–космос» и метафорой строительства, проходит красной нитью через все творчество Тарковского.

Образ идеального героя-сибиряка, достойного представителя старшего поколения, воплощает друг писателя Геннадий Соловьев, чьи черты проступают в других персонажах²⁷. Геннадий — крепкий охотник, промысловик, житель разных уголков Сибири, осевший в итоге в Бахте. Он одарен различными умениями (плотничество, столярное дело, земледелие, скотоводство и др.) и открыт по отношению к другим людям,

²³ Его же, *Енисей, отпусти!*..., с. 71.

²⁴ И.А. Каргашин, «Под скальпелем природы и искусства...». *Поэтика прозы Михаила Тарковского* // «Русская речь» 2017, № 2, с. 34.

²⁵ Например, умение фантазировать и словесно оформлять свой вымысел, талант интересно рассказывать истории (дед, *Дед, Петрович и дед, Снова дед*; Николай Афанасьев, *Стройка бани*; Афанасий Никифорович, *Полет совы*).

²⁶ М. Тарковский, *Избранное*..., с. 400.

²⁷ Его же, *Енисей, отпусти!*..., с. 400–404. Стоит отметить, что Геннадий Соловьев, как и Михаил Тарковский, занимается литературным творчеством и является автором рассказов, посвященных таежной тематике.

которым с удовольствием помогает, делясь своими знаниями и опытом. Геннадия отличает художественность, имеющая свои истоки в старине, привитой дедами и прадедами, бережливость, рачительность, аккуратность и общительность. Все грани его характера (охотничья, рыбацкая, кулацкая, жизненная, товарищеская, лирическая, языковая) образуют гармоничное единство, которое писатель стремится запечатлеть, поскольку это явление уходящее, как и традиционная культура охоты.

В заключение следует отметить, что прародительское поколение характеризует особое отношение к месту, а точнее — к бабушке-Енисею, представляющему одновременно и центр, и границу жизненного пространства героев. Вальянов, опираясь на концепцию Юрия Лотмана, делит персонажей Тарковского на динамичных и статичных (патриархальный тип личности)²⁸, всецело находящих в власти сибирской реки, живущих по ее правилам и неспособных с ней расстаться (в этом плане символично название одной из повестей *Енисей, отпусти!*). Ярким примером статичного персонажа является Григорий Попов, пожилой сосед писателя, который «жил рекой — вслушивался, всматривался, вчувствовался в Енисей, каждое его дыхание ловил-переживал»²⁹. Дядя Гриша стал прототипом прадеда Евгения Барковца — главного героя романа *Тойота-Креста*³⁰. Неслучайно именно своего деда (*nota bene* не родителей), связанного неразрывными узами с рекой и воспринявшего поездку в город как настоящее испытание, вспоминает Жека, переехавший из Енисейска в Москву и пытающийся безуспешно «врасти» в чужое для него пространство. Главный герой романа возвращается на свою малую Родину, как и его брат Андрей, неустанно ощущающий «свербеж Енисея». Это свидетельствует о том, что сила родовой памяти еще не иссякла, не растворилась в череде поколений, а сибирская

²⁸ Н.А. Вальянов, *Поэтика М.А. Тарковского...*, с. 140–141.

²⁹ М. Тарковский, *Енисей, отпусти!*..., с. 419.

³⁰ См. его же, *Тойота-Креста*, Издательство «Э», Москва 2016, с. 163.

река продолжает «говорить» через жителей, населяющих ее берега, в первую очередь через стариков. По замечанию Тарковского, многие люди, ставшие прообразами для его героев, ушли из жизни, поэтому творчество писателя — это особая форма памяти о хранителях старины, без которых невозможно «постичь огромность, многообразие и единство Русского мира»³¹.

REFERENCES

- Anisimov, Kirill V. et al. *Regional'naya identifikatsiya i samoidentifikatsiya zhiteley Priyeniseyskoy Sibiri: etnograficheskiy, lingvokul'turologicheskiy, literaturnyy diskursy*. Krasnoyarsk–Lesosibirsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2017 [Анисимов, Кирилл В. и др. *Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы*. Красноярск–Лесосибирск: Сибирский федеральный университет, 2017].
- Belyayeva, Nataliya V. “Russkaya literaturnaya traditsiya v proze sovremennoogo pisatelya Mikhaila Tarkovskogo.” *Russkaya slovesnost'*, no. 5, 2008: 41–44 [Беляева, Наталия В. “Русская литературная традиция в прозе современного писателя Михаила Тарковского.” *Русская словесность*, № 5, 2008: 41–44].
- Isayeva, Marina A. “Pokoleniye.” *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 1, 2011: 265–268 [Исаева, Марина А. “Поколение.” *Знание. Понимание. Умение*, no. 1, 2011: 265–268].
- Ivanov, Vyacheslav V., Toporov, Vladimir N. “Ptitsy.” *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. Vol. 2. Ed. Tokarev, Sergey. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1980, <http://www.philologoz.ru/myth/birds.htm>. Accessed 1 Aug. 2020 [Иванов, Вячеслав В., Топоров, Владимир Н. “Птицы.” *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. Ред. Токарев, Сергей. Москва: Советская энциклопедия, 1980, <http://www.philologoz.ru/myth/birds.htm>. Дата обращения: 1 августа 2020].
- Kargashin, Igor' A. “Pod skal'pelem prirody i iskusstva...” Poetika prozy Mikhaila Tarkovskogo.” *Russkaya rech'*, no. 2, 2017: 33–40 [Каргашин, Игорь А. “Под скальпелем природы и искусства...” Поэтика прозы Михаила Тарковского.” *Русская речь*, № 2, 2017: 33–40].
- Kovtun, Natal'ya V. “Malaya proza M. Tarkovskogo v kontekste 'novogo realizma'.” *Gumanitarnyy vektor*, vol. 14, no. 5, 2019: 39–50 [Ковтун, Наталья В. “Малая проза М. Тарковского в контексте ‘нового реализма’.” *Гуманитарный вектор*, т. 14, № 5, 2019: 39–50].

³¹ Его же, *Избранное...*, с. 415.

- Levada, Yuriy. "Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya." *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no. 5, 2001: 7–14, <http://ecsocman.hse.ru/data/507/991/1219/02levada-7-14.pdf>. Accessed 1 Aug. 2020 [Левада, Юрий. "Поколения XX века: возможности исследования." *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5, 2001: 7–14, <http://ecsocman.hse.ru/data/507/991/1219/02levada-7-14.pdf>. Дата обращения: 1 августа 2020].
- Pushina, Lada Yu. "Pokoleniye kak sotsiokul'turnaya obshchnost." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nyye nauki*, no. 3, 2011: 28–34 [Пушина, Лада Ю. "Поколение как социокультурная общность." *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки*, № 3, 2011: 28–34].
- Rasputin, Valentin G. *Sibir', Sibir'...* Irkutsk: Sapronov, 2006, <https://unotices.com/book.php?id=166432&page=6>. Accessed 1 Aug. 2020 [Распутин, Валентин Г. *Сибирь, Сибирь...* Иркутск: Сапронов, 2006, <https://unotices.com/book.php?id=166432&page=6>. Дата обращения: 1 августа 2020].
- Rytova, Tat'yana A. "'Pokoleniye' kak kategoriya sovremennogo literaturnogo protsessa." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 4, 2009: 87–98 [Рытова, Татьяна А. "'Поколение' как категория современного литературного процесса." *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 4, 2009: 87–98].
- Smetanina, Svetlana. "Mikhail Tarkovskiy: Chto znachit byt' russkim?" <https://russkiymir.ru/publications/236843/>. Accessed 1 Aug. 2020 [Сметанина, Светлана. "Михаил Тарковский: Что значит быть русским?" <https://russkiymir.ru/publications/236843/>. Дата обращения: 1 августа 2020].
- Tarkovskiy, Mikhail. *Izbrannoye*. Novosibirsk: Istoricheskoye naslediye Sibiri, 2014 [Тарковский, Михаил. *Избранное*. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2014].
- Tarkovskiy, Mikhail. "Novyy dom teti Shury." <https://litresp.com/chitat/ru/T/tarkovskij-mihail/enisejskie-ocherki/6>. Accessed 1 Aug. 2020 [Тарковский, Михаил. "Новый дом тети Шуры." <https://litresp.com/chitat/ru/T/tarkovskij-mihail/enisejskie-ocherki/6>. Дата обращения: 1 августа 2020].
- Tarkovskiy, Mikhail. *Toyota-Kresta*. Moskva: Izdatel'stvo "E," 2016 [Тарковский, Михаил. *Тойота-Креста*. Москва: Издательство "Э," 2016].
- Tarkovskiy, Mikhail. *Yenisey, otprustil!*. Moskva: Veche, 2018 [Тарковский, Михаил. *Енисей, отпусти!*. Москва: Вече, 2018].
- Val'yanov, Nikita A. *Poetika M.A. Tarkovskogo: problema khronotopa i obraz geroya*. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'yeva, 2019 [Вальянов, Никита А. *Поэтика М.А. Тарковского: проблема хронотопа и образ героя*. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2019].
- Yurtayeva, Irina A. "Tema truda v tvorchestve L.N. Tolstogo." *Fenomen truda v khudozhestvennom istolkovanii*. Ed. Fukson, Leonid Yu. Novosibirsk–Kemerovo: NGTI–KemGU, 2013, <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5ad772b07966e14e3b478ad9.pdf>. Accessed 24 Sep. 2020 [Юртаева, Ирина А. "Тема труда в творчестве Л.Н. Толстого." *Феномен труда в художествен-*

ном истолковании. Ред. Фуксон, Леонид Ю. Новосибирск–Кемерово: НГТИ–КемГУ, 2013, <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5ad772b07966e14e3b478ad9.pdf>. Дата обращения: 24 сентября 2020].

Zhigunova, Marina. “Sibiryak kak novaya natsional’nost’: mif ili real’nost’?” *Tsentr L’va Gumileva*, <https://www.gumilev-center.ru/sibiryak-kak-novaya-natsionalnost-mif-ili-realnost/>. Accessed 1 Aug. 2020 [Жигунова, Марина. “Сибиряк как новая национальность: миф или реальность?” *Центр Льва Гумилева*, <https://www.gumilev-center.ru/sibiryak-kak-novaya-natsionalnost-mif-ili-realnost/>. Дата обращения: 1 августа 2020].